

# ПИСЬМЕННОСТЬ ОСТРОВА ПАСХИ И АЙНСКАЯ ПИКТОГРАФИЯ

## ТИХООКЕАНСКИЕ ИНТЕРЕСЫ Ю.В. КНОРОЗОВА

Став сотрудником ЛЧ ИЭ АН СССР, Ю.В. Кнорозов получил возможность работать с экспонатами МАЭ, в том числе с табличками с острова Пасхи. То, что знаки на них — особый вид идеограмм, предположил еще Н.Н. Миклухо-Маклай, доставивший две деревянные таблички в 1880-е годы в МАЭ. Предметы изучали зав. отделом Океании Е.Л. Петри и А.Б. Пиотровский (составивший каталог графем в 1925 г.). Член школьного кружка при МАЭ Б.Г. Кудрявцев в 1939 г. обнаружил, что на трех табличках содержатся почти идентичные изображения — тексты [Кудрявцев 1949]. Его работу опубликовал в «Сборнике МАЭ» Д.А. Ольдерогге [Ольдерогге 1949]. В 1950-е годы сотрудниками ЛЧ ИЭ АН СССР Э.В. Зиберт, Л.Г. Розиной, Р.Г. Ляпуновой, Д.А. Сергеевым была проделана огромная работа по сопоставлению всех известных надписей на предметах с о-ва Пасхи, знаки были разделены на блоки. Н.А. Бутинов и Ю.В. Кнорозов доказали, что часть знаков на Большой табличке из Сантьяго-де-Чили представляют собой фрагмент генеалогических записей [Бутинов, Кнорозов 1956]. Ю.В. Кнорозов пришел к выводу, что кохау ронго-ронго о-ва Пасхи — ранний вид иероглифического письма, предпринял попытку применить свою методику дешифровки для толкования знаков и предположил возможную тематику надписей [Кнорозов 1957; Кнорозов 1963]. Н.А. Бутинов неоднократно возвращался к теме прочтения текстов кохау ронго-ронго. Ю.В. Кнорозов поддержал И. К. Федорову, которая под его руководством в ЛЧ ИЭ АН СССР (1958) приступила к изучению рапануйского языка и фольклора. В 1990-е годы она предложила свой вариант дешифровки письменности о-ва Пасхи, рассмотрев ее на широком фоне полинезийской культуры и учтя особенности рапануйского языка (развитую омонимию) [Федорова 1995; 1998].

Для Ю.В. Кнорозова всегда была притягательна тема заселения Америки. Реально доступным районом исследования, наиболее близким к Америке, могли стать Курильские острова и о-в Сахалин, на которых ранее проживали айны. Он изучал айнов, пытался найти и следы доайнской культуры, носители которой могли иметь отношение к древней миграции в Америку. Ю.В. Кнорозов понимал, что решить вопрос о заселении Нового Света без археологических изысканий невозможно. Он очень подробно изучал геологию Тихого океана, особенно интересовался периодами геологической активности. Поскольку во время термического максимума растаяли ледники и уровень мирового океана поднялся, под водой оказались значительные территории континентального шельфа. Таким образом в океане исчезли следы миграций древнего человека вдоль побережья, а те археологические культуры, которые обнаружены на островах, проясняют только часть общей картины.

Ю.В. Кнорозов хотел увидеть Тихий океан и прочувствовать, как там жили люди, чем их манили районы, прилегающие к Древней Берингии. Дальний Восток отличается особыми климатическими условиями. Внутренние районы материка не всегда были гостеприимны, хотя там можно было найти мясо и пищевые растения. Древние люди предпочитали жить на побережье, где выбор пищи был богаче: рыба, моллюски, ракообразные, да и морские млекопитающие регулярно попадались на мелководье. На побережье остались огромные раковинные кучи — результат многолетних трапез. Человек поэтому сначала осваивал и объедал участок побережья, затем перемещался на новую территорию. Ю.В. Кнорозов обратил внимание, что индейцы не успели завершить движение вдоль Американского континента и обойти по побережью всю Америку: когда Колумб добрался до Карибского моря, араваки двигались с юга на север.

Будучи убежден, что надо хорошо знать этнографическую действительность, чтобы понимать мышление изучаемого народа, Ю.В. Кнорозов стремился в длительные командировки на Дальний Восток. В 1979 г. он был участником XIV Тихоокеанского научного конгресса в Хабаровске, который длился с 20 августа по 2 сентября 1979 г. Перед конгрессом он впервые посетил о-в Итуруп. Экспедиция совершила восхождение на кальдеру вулкана Богдан Хмельницкий. Эта земля его поразила.

Ю.В. Кнорозов добился от дирекции ИЭ АН СССР права отправляться в экспедиции на Курильские острова, где проводил по 1–2 месяца. С 1979 по 1990 г. было организовано девять таких поездок на о-ва Итуруп, Кунашир, Шикотан. В составе Тихоокеанского отряда Северной экспедиции и Курильской экспедиции Института этнографии АН СССР в разные годы Ю.В. Кнорозова сопровождали сотрудники ИЭ АН СССР

Ч.М. Таксами, А.Б. Спесивовский, Г.Г. Ершова, В.Р. Арсеньев, сотрудники Сахалинского краеведческого музея В.О. Шубин, М.М. Прокофьев, журналистка АПН И. Василькова и др.

На Курильских островах Ю.В. Кнорозов всегда мечтал о восхождениях на вулканы. Он изучал периодичность их извержений, наличие теплых источников и минеральных вод вулканического происхождения. Эти знания применялись на практике. Когда вернуться обратно из похода до конца светового дня было невозможно, участникам приходилось ночевать прямо в горах. Тогда теплые воды, в которых можно было согреть уставшие ноги, были весьма кстати.

Каждая экспедиция выполняла свою задачу. Первая экспедиция имела целью поиск и изучение наскальных рисунков [Кнорозов и др. 1984: 226], позже проводились и археологическая разведка, и раскопки. После обнаружения Г.М. Власовым петроглифов в кальдере вулкана Богдан Хмельницкий на о-ве Итуруп в 1948 г. наскальные рисунки стали выявлять и изучать и на других островах Курильского архипелага. Эти сведения для Ю.В. Кнорозова собирали в том числе его почтитатели-курильчане.

Готовясь к экспедиции, Ю.В. Кнорозов консультировался со специалистами в Ленинграде и Москве, изучал архивные материалы о Курильских островах и о-ве Сахалин. Он был убежден, что в Тихоокеанском регионе люди могли селиться только в определенных, пригодных для жизни местах. Это его предположение основывалось на том, что при сопоставлении русских и японских карт разных эпох он видел, что каждая волна пришельцев оказывалась на одних и тех же местах. Скалы и прибой делают многие части островного побережья недоступными для высадки с моря. Буйная растительность, растущая на вулканической почве, не позволяет никому пробиться сквозь нее, даже медведь мог застрять в зарослях бамбука, который под воздействием ветров растет под сильным наклоном.

Айны посещали определенные участки берега для охоты на морских животных и птиц и сбора диких растений, на стоянках сооружали временные жилища для сезонных промыслов. Растения и насекомые на Курильских островах отличаются гигантизмом (лопух вырастает выше автомашины). Там растут черемша, рябина, дикий виноград, сарана, костяника, шикша, брусника, шиповник (с цветками размером с ладонь). Когда прилетел первый гигантский комар, палатки экспедиции решили ставить на ветру, чтобы он сдувал насекомых подалеже от людей.

В июле 1983 г. на о-в Итуруп была отправлена большая экспедиция из ЛЧ ИЭ АН СССР — Н.М. Гиренко, Г.И. Дзенискевич, Е.С. Соболева, В.И. Харганович, Ю.К. Чистов, Ю.Е. Березкин и Л. Рооталу, а также молодой художник Сергей Африканович, работавший с антропологами. Вся команда объединилась во Владивостоке. Там Ю.В. Кнорозов каждый

раз проводил много времени, встречаясь с археологами и биологами Дальневосточного научного центра АН СССР. Перевозка пассажиров и грузов в г. Курильск осуществлялась на кораблях, для высадки на берег надо было перегрузиться на плашкоуты. Из города Ю.В. Кнорозов стремился побыстрее вырваться на природу, в места древних культур. Передвигаясь по Итурупу, в первую очередь изучали стратиграфию острова. Оборонительные сооружения, прокопанные вдоль берега на пограничных заставах, наглядно демонстрировали многослойность почвы. Там всегда имелись толстые прослойки вулканического пепла — следы мощных извержений. Везде в изобилии обнаруживались археологические объекты, а кремневые наконечники, скребки, осколки керамики можно было вынимать из стенок траншей. Сильные ветры и дожди постоянно видоизменяют рельеф местности, археологические памятники могут исчезать естественным путем. Так произошло и на о-ве Итуруп: погребения на оз. Куйбышевское (Танковое), обнаруженные Ю.В. Кнорозовым в 1982 г., к 1983 г. были уничтожены природой. Изучение выявленного там айнского святилища и других культовых сооружений продолжил сахалинский археолог М.М. Прокофьев. По мнению Ю.В. Кнорозова, каменные кромлехи и костровые кучи там выложены в соответствии с астрономической системой счета лунных циклов [Кнорозов 1992].

В 1988–1989 гг. Ю.В. Кнорозов наконец впервые выявил айнский субстрат на Курильских островах. На стоянке Янкито-I на о-ве Итуруп удалось собрать комплекс артефактов (обломки керамических сосудов, обильный каменный инвентарь, образцы пластинчатой технологии расщепления камня, пробы угля из очага). Образцы глины и угля были отправлены на анализ в Ленинградскую радиоуглеродную лабораторию Института археологии АН СССР и в лаборатории США. Результаты показали сенсационные датировки — возраст находок превышал 5–7 тыс. лет. Совместно с Г.И. Зайцевой, М.М. Прокофьевым, А.Б. Спелваковским была подготовлена серия статей на эту тему [Зайцева, Кнорозов 1989а; 1989б; Зайцева и др. 1989; Zaitseva etc. 1993]. М.М. Прокофьев продолжил обработку и публикацию археологических материалов.

С большим вниманием Ю.В. Кнорозов собирал декорированные черепки культуры Дзёмон. Они усеивали всю поверхность земли в районах бывших поселений, их можно было раскопать почти повсюду, даже частично собрать разбитый сосуд.

Орнаменты вообще его привлекали. Народы мира маркировали тамгами личные вещи и свои изделия, обозначали особыми знаками границы кормовых (охотничьих) угодий родовых групп. Логика рисунчатого письма юкагиров, ирокезов, индейцев Великих Равнин, других бесписьменных народов, разработанная ими система сообщений, семиотика календарных и сюжетных записей очень интересовали Ю.В. Кно-

розова. Но обратился он к материальной культуре айнов, используя редкий шанс воочию изучить коллекции МАЭ, Государственного музея этнографии народов СССР, Южно-Сахалинского областного краеведческого музея и др. Выявленные на деревянной утвари, оружии (ножны) и других предметах знаки он сопоставил с этнографической информацией об этих вещах и с мифологией айнов и высказал предположения о возможном значении некоторых изображений.

Ю.В. Кнорозов был убежден, что если один человек хочет другому что-то сообщить, то он сделает это так, чтобы другой понял. Следовательно, сообщения можно расшифровать и трактовать верно. Поэтому он детально изучал сведения о промыслах, образе жизни, мировоззрении айнов. На Курилах он легко адаптировался к окружающей среде и погружался в этнографические реалии. Зная по русским и японским источникам места расселения и историю перемещения айнов в конце XIX — XX в., он отмечал иноэтничные влияния и различия в материальной культуре разных их групп.

Обладая прекрасной визуальной и звуковой памятью, музыкальным слухом, он понимал и умел оценить художественную ценность предмета. Не спеша, подолгу и со вкусом изучал вещь, поворачивал ее, рассматривал со всех сторон, делал важные для себя выводы. Например, на о-ве Итуруп он долго крутил в руках черепок с криволинейным рельефным налепом, а потом увидел торчащую из воды голову нерпы. Любопытное животное плавало неподалеку от берега и наблюдало за людьми. Форма его головы удивительным образом соответствовала налепу на черепке, что Ю.В. Кнорозов с удовлетворением отметил и указал на это коллегам.

Он хорошо знал местные растения, особенно эндемичные виды, изучал их фармакологические свойства, которые не могли не отразиться в айнской мифологии. Ядовитым соком аконита (растения семейства лютиковых) айны смазывали наконечники стрел (о коварности этого цветка была предупреждена вся экспедиция). Березу почитали как священное дерево. Хозяйка вяза (циканиси) считалась матерью хозяина огня (Ойна камуй), одного из важнейших духов-хозяев, покровителя, просветителя и предка айнов. Из древесины вяза айны делали прибор для добывания огня, а из дуба брали горючий трут. По мнению Ю.В. Кнорозова, хозяин огня обозначался в пиктографических надписях знаком косоугольного креста — схематическим изображением прибора для добывания огня [Кнорозов и др. 1984: 232].

По Ю.В. Кнорозову, основной единицей пиктографического письма является сцена, передающая ситуацию, сохраняющуюся неопределенное время, или событие (как ее частный случай), которое привело к переходу от одной стабильной ситуации к другой. Каждую ситуацию можно описать неопределенным (но конечным) количеством фраз

[Кнорозов и др. 1986: 269]. Он выявил несколько типовых формул разного назначения.

Натуристический пиктографический текст — своего рода магическая формула — содержится на внешней поверхности усодержателя — *икуниси* (букв. «деревянная питьевая палка»). Усодержатель — это плоская или фигурная деревянная пластинка длиной 20–35 см и шириной 1,5–4 см [Айнские 1998]. Этим приспособлением айны приподнимали свои пышные усы, когда в торжественных случаях пили хмельные напитки. Предмет входил в состав ритуального и праздничного инвентаря айнов. С его помощью во время ритуалов айны передавали главным духам-покровителям свои просьбы об удаче в морском и сухопутном промыслах. Ежегодно айны изготавливали для себя новые усодержатели с нужным сюжетом.

Были изучены и опубликованы усодержатели айнов Сахалина и Хоккайдо (Есо) из коллекций МАЭ [Кнорозов и др. 1986] и Сахалинского краеведческого музея. Запись сообщения начиналась после треугольной ручки — площадки, за которую владелец пальцами держал икуниси. Текст отчеркивался знаком коры дерева (вяза или березы), т.е. обращением к адресату (конкретному духу-хозяину). Между начальным и конечным знаками помещался текст сообщения, сюжетом которого были хозяйственные занятия — сбор водорослей на отливе, сцены охоты, рыбной ловли, а также медвежий праздник — главный годовой праздник в честь важнейших духов-хозяев. Иногда присутствуют реалистично вырезанные узнаваемые изображения — рельефные постройки (амбар для сушки рыбы), утварь (чаши для ритуальных подношений), оружие (головка гарпуна), лодки, фигурки медведя, лисицы, тюленя, дельфина. Наличие веревочных и нитяных орнаментов можно объяснить тем, что некоторые усодержатели хранили в ножнах или завернутыми в веревки. В декоре усодержателей Ю.В. Кнорозов видел символы змей (чешуя), косатки (треугольный плавник, ласты), рыб (бычок, угорь, осиротте), птиц, стеблей и листьев аконита, фона воды, горы, возможно, календарные знаки (новолуние). Они были гравированы на поверхности пластинки, вырезаны в высоком рельефе и даже в виде скульптурок, которые можно было двигать в прорези.

Второй вид магической формулы представляют собой пиктографические знаки на камнях в местах промысла, процарапанные на разную глубину. Изображения на каменных плитах позднего времени перекликаются с группами знаков на усодержателях. Поселения айнов располагались близ источника пресной воды, обычно на левом берегу ручья. Там экспедиции обнаруживают как отдельные линейные знаки на камнях, так и знаки, размещенные группами. Вероятно, это было обращение к духам-хозяевам местности, обеспечивавшее удачный морской промысел. Постепенно в полосе прибоя волны в значительной степени

стерли старинные петроглифы, их поиск и зарисовка представляют большие трудности. Небольшие каменные плиты с процарапанными знаками были переданы экспедициями в Курильский краеведческий музей.

Третью магическую формулу Ю.В. Кнорозов выявил на надмогильных столбах (*асьни* — букв. «поставленный столб») айнов. Совместно с М.М. Прокофьевым он изучил собрание Сахалинского областного краеведческого музея [Кнорозов, Прокофьев 1995]. Поверхность плоского надмогильного столба айны покрывали плотной пиктографической надписью, оставляя сучок/отверстие для прикрепления инау. *Инау* — молитвенные палочки со стружками-волосами — вырезали из разных пород дерева, использовали в качестве посланцев для обращения к покровителям домашнего очага с целью передачи своих просьб главным духам (*камуйам*). На столбах выявлены родовые и фамильные знаки (личную метку владельца наносили только на предметы для медвежьего праздника [Кнорозов 1986: 272]), символы, позволяющие определить пол и возраст покойного, а также календарные знаки лунного цикла. Ю.В. Кнорозов предложил трактовать изображения в целом как календарную схему и как формулу возрождения.

В общении Ю.В. Кнорозов был весьма сдержан и лаконичен. Но с теми, кто хотел его слушать, он делился своими знаниями и идеями, подробно разъяснял свой метод семиотического анализа, провоцировал творческую фантазию собеседника. При обсуждениях проблем этнической семиотики Ю.В. Кнорозов успокаивал своих коллег, объясняя, что они не смогут завершить свои исследования быстро и абсолютно верно. Он указывал, что в процессе исследования естественно постепенно выявлять и последовательно дешифровать один знак за другим, доказывать значение того или иного символа. Его трактовки пиктографических знаков айнов основывались на долгих размышлениях и подкреплялись этнографическими данными.

Отпуская его в экспедицию, руководство института требовало от сопровождающего лица привезти обратно ученого целым и невредимым. Скромный и тихий Ю.В. Кнорозов мог быть весьма упрямым. Но он всегда твердо отстаивал интересы экспедиции, был внимателен к своим спутникам. Он брал с собой костюм и наградные знаки, которые надевал при визитах в официальные инстанции и на публичные выступления. Собеседников сражал внезапный взгляд его голубых, глубоко посаженных глаз из-под густых бровей. Ю.В. Кнорозов полюбил Курильские острова, и курильчане признали в нем своего, просили выступить перед военными и горожанами, написать статью в местную газету «Красный маяк» [Кнорозов 1983а; 1988; 1990]. Он прекрасно умел донести свои мысли о древней истории региона до аудитории [Кнорозов 1983б]. О работе экспедиции на Итуруп знали все. По возвращении, например, уже на корабле по пути на о-в Сахалин мы с удив-

лением выслушивали от пассажиров рассказы о самих себе и о свершениях экспедиции, которые уже превратились в местный фольклор. Позже курильские знакомые, приезжая в Ленинград по делам, находили Ю.В. Кнорозова и приходили пообщаться с ним.

Военные на о-ве Итуруп глубоко уважали Ю.В. Кнорозова, старались подкормить его (а заодно и всю экспедицию) и экипировать, помогали с транспортом, устраивали на ночлег на пограничных заставах, офицеры специально приезжали в лагерь экспедиции для бесед. Когда археологи и антропологи завершили свою часть работы и покинули остров, четверо этнографов отправились в труднодоступные районы Итурупа. Нам была выделена боевая машина пехоты с водителем и командиром, и там, где было невозможно проломиться сквозь заросли, мы могли проплыть по водам Тихого океана. Осторожный Ю.В. Кнорозов мог не спеша часы напролет без усталости шагать по мокрым камням и по тяжелым для передвижения горным рельефам, выискивая на плитах пиктографические знаки.

Полевая экипировка и сапоги шли Ю.В. Кнорозову и прекрасно сочетались со светлым беретом, который ему подарила Анна Ахматова. Ю.В. Кнорозов галантно относился к спутницам — стремился усадить их в кабину грузовика во время длительных переездов, посадить на шторм-трап, хотя члены экспедиции стремились сделать то же самое — подстраховать гордость отечественной науки и обеспечить для него лучшие условия. В кабинеты к высокому начальству он всегда брал с собой одну из дам — для облагораживания климата переговоров. При этом иронически высказывался насчет «бабья озверелого» и «мужичья сиволапого» как категорий, на которые подразделяется человечество. Будучи весьма упрямым, в экспедиционных условиях он был терпелив и непритязателен. Все тяготы жизни в поле выдерживал стоически — жизнь в палатке, холод, дожди, непогода и прочая романтика его никак не расстраивали, как и проблемы быта. В частности, нам самим приходилось клеивать надувной матрас под его спальным мешком и передвигать его из луж, образовывавшихся под палаткой из конденсированного тумана. В отличие от опытных путешественников, Ю.В. Кнорозов не брал с собой посуду, считая, что поесть можно из консервной банки, а ложку самому вытесать из дерева. Во время вечерних посиделок у костра он поражал собеседников парадоксальным юмором и феноменальными познаниями, любил читать стихи на украинском языке.

Разработки Ю.В. Кнорозов в области айнской пиктографии стали рано доступны зарубежным специалистам. В частности, он поручил мне как своей аспирантке сделать сообщение на английском языке на круглом столе Венского центра (европейского координационного центра по исследованию и документации в общественных науках при ЮНЕСКО). Заседание 27 февраля 1985 г. в гостинице «Прибалтийская» было по-



священо изучению американских коллекций в советских музеях. Участники круглого стола с удивлением узнали о новом виде рисунчатого письма и об объектах, на которых можно обнаружить айнские пиктографические знаки.

В 1990-е годы экономическая ситуация уже не позволяла отправлять так далеко академические экспедиции. Но к Ю.В. Кнорозову продолжали обращаться за консультациями коллеги с Дальнего Востока. Курильские материалы Ю.В. Кнорозова стали особо востребованы в последние годы.

В начале 1992 г., чтобы лично встретиться с Ю.В. Кнорозовым и сотрудниками группы этнической семиотики, в Ленинград специально приезжала группа специалистов, занимавшаяся дешифровкой письменности о-ва Пасхи, — Томас Бартель и Х.М. Эзен-Баур из ФРГ, С. Р. Фишер из Новой Зеландии и др. Они получили возможность обсудить с Ю.В. Кнорозовым и его сподвижниками проблемы этнической дешифровки и выразить ему лично уважение и признание его научных заслуг.

## Литература

Айнские коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук. Каталог. Токио, 1998. 204 с.

*Бутинов Н.А., Кнорозов Ю.В.* Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи // СЭ. 1956. № 4. С. 77–91.

*Зайцева Г.И., Кнорозов Ю.В.* Абсолютная хронология селений на островах Итуруп и Кунашир // Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения). Усурийск, 1989. С. 23–24.

*Зайцева Г.И., Кнорозов Ю.В.* Радиоуглеродная хронология древних поселений острова Итуруп // Геохронология четвертичного периода. Тезисы докладов Всесоюзного совещания. Таллинн, 1989. С. 102–103.

*Зайцева Г.И., Кнорозов Ю.В., Сневаковский А.Б., Прокофьев М.М.* Абсолютная хронология древних селений Курильских островов // Исследования по археологии Сахалина и Курильских островов. Тезисы выступлений на II археологических чтениях, посвященных памяти Р.В. Козыревой 8–9 декабря 1989 г. Южно-Сахалинск, 1989. С. 28–29.

*Кнорозов Ю.В.* Говорящее дерево: об исследованиях древней письменности острова Пасхи // Культура и жизнь. 1957. № 3. С. 38–43.

*Кнорозов Ю.В.* Легенды о заселении острова Пасхи // СЭ. 1963. № 4. С. 143–153.

*Кнорозов Ю.В.* Поиски и находки древностей Итурупа // Красный маяк. 1983. 18 августа.

*Кнорозов Ю.В.* К тайнам острова Итуруп // Вечерний Ленинград. 1983. 1 октября.

*Кнорозов Ю.В.* Древние селения острова Итуруп // Красный маяк. 1988. 20 октября.

*Кнорозов Ю.В.* Селения айнов на Итуруп // Красный маяк. 1990. 11 октября.

*Кнорозов Ю.В.* Селения айнов на острове Итуруп: по материалам экспедиции 1989 г. // Материалы полевых этнографических исследований 1988–1989 гг. СПб., 1992. С. 175–178.

*Кнорозов Ю.В., Прокофьев М.М.* Формула возрождения у айнов (опыт расшифровки знаков-пиктограмм на надмогильных столбах-асъни из фондов Сахалинского областного краеведческого музея) // Вестник Сахалинского музея. 1995. № 2. С. 208–221.

*Кнорозов Ю.В., Соболева Е.С., Таксами Ч.М.* Пиктографические надписи айнов // Древние системы письма: этническая семиотика. М., 1986. С. 268–295.

*Кнорозов Ю.В., Спеваковский А.Б., Таксами Ч.М.* Пиктографические надписи айнов // Полевые исследования Института этнографии. 1980–1981. М., 1984. С. 226–233.

*Кудрявцев Б.Г.* Письменность острова Пасхи // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. С. 175–221. (Сборник МАЭ. Т. 11).

*Ольдерогге Д.А.* Параллельные тексты таблиц острова Пасхи «кохау ронго ронго». Дополнение к статье Б. Г. Кудрявцева // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. С. 222–236. (Сборник МАЭ. Т. 11).

*Федорова И.К.* Дощечки кохау ронгоронго из Кунсткамеры. СПб., 1995. 158 с.

*Федорова И.К.* «Говорящие дощечки» с острова Пасхи. Дешифровка, чтение, перевод. СПб., 2001. 382 с.

*Zaitseva G.I., Popov S.G., Krylov A.P., Knorozov Yu.V., Spevakovskiy A.B.* Radiocarbon Chronology of Archaeological Sites of the Kurile Islands // Radiocarbon. 1993. Vol. 35, no 3. P. 507–510.

*Е.С. Соболева*